

А. Гогун (Берлін), А. Кентий (Київ)

ГЖЕГОЖ МОТЫКА: УКРАИНСКОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. 1942–1960

Польский историк Гжегож Мотыка, уже известный в украинских и немецких исторических кругах как специалист по вопросам украинско-польских отношений в годы Второй мировой войны и послевоенных лет, летом этого года издал монографию, являющуюся плодом его двадцатилетних научных изысканий: “Украинское партизанское движение, 1942–1960. Деятельность Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии”¹.

Монография рассчитана, как пишет сам автор, прежде всего на польского читателя. Возможно, поэтому хронологические рамки исследования искусственно растянуты: с 1942 г., когда бандеровской УПА ещё не было (впрочем, существовала УПА (Полесская сечь) атамана Тараса Бульбы (Боровца), до 1960 г. – даты ликвидации последней боёвки ОУН. За девять лет до этого момента организованное националистическое подполье было разгромлено, а последний главком УПА Василий Кук на 1960 год уже 6 лет находился в заключении. Такие временные рамки вызваны желанием автора показать польскому читателю, обычно уделяющему внимание лишь антипольской акции бандеровцев 1943–1944 гг., что украинские повстанцы воевали не только с поляками, и, более того, борьба с коммунистическим режимом велась в значительных масштабах и на протяжении длительного времени.

Во введении автор ставит довольно острые общие вопросы. Имела ли борьба украинских повстанцев национально-освободительный характер? Можно ли её вообще назвать борьбой, или же это – преступления, совершённые ослеплёнными националистической идеологией фанатиками? И затем – частная проблематика. Воевала ли УПА с немцами или же сотрудничала? Борьба бандеровцев против СССР – борьба только с коммунистами, или же также и с Россией и русскими? Только лишь с коммунистическим аппаратом, или же также, например, с Красной армией? Какой характер имели антипольские акции: преступления против безоружных, или же, как минимум периодами, типичная повстанческая, иногда – межпартизанская борьба?

Источниками для написания книги послужили 6 архивов Польши, 4 архива Украины, 4 российских и 1 белорусский архив, наряду с личным архивом автора. Хотя, основной упор в работе был сделан на анализ и обработку уже обнародованной информации – исследований предшественников и публикаций документов.

Книга состоит из 10 разделов: первые три из них посвящены истории Украинской войсковой организации (УВО) и ОУН до 1944 г. (в том числе и вопросу создания УПА), четвёртый раздел – организационным структурам ОУН и УПА на протяжении всего периода повстанческой борьбы, вопросам кадрового состава,

комплектования, вооружения и финансирования УПА, деятельности Службы безопасности (СБ ОУН) и иных вспомогательных структур. Разделы с 5-го по 10-й включительно – боевой и террористической деятельности украинских националистов в 1942–1960 гг.

Стиль повествования – объективный, за редкими исключениями. Например, на сс. 57–58 автор заявляет: “Хуже всего было то, что польские действия [в 1930-е гг.] привели к возвращению исчезающих антипольских настроений и росту симпатий к украинским националистам”. Вводная часть фразы демонстрирует субъективные симпатии исследователя: описанный факт для основных действующих субъектов рецензируемой книги – националистов – был несколько не “хуже”. В другом случае мы видим уже сочувствие к украинским повстанцам (с. 554), когда автор открыто сожалеет по поводу того, что бандеровские сотни, перешедшие в 1947 г. из ПНР в СССР, не обладали налаженным контактом с местным населением.

Текст монографии – повествование и описание, оценочных моментов крайне мало. Это, в зависимости от вкуса читателя, может считаться как позитивной, так и негативной стороной исследования. Лишь в редких случаях автор выходит за рамки чисто научной работы, например, утверждая: разгон и арест немцами правительства Ярослава Стецко в 1941 г. был благом для самих бандеровцев: “Если бы [националисты] создали собственное [украинское] государство, оно имело бы... фашистский характер... Создание украинского государства не спасло бы Третий Рейх от разгрома, зато все лидеры [украинского государства] были бы признаны коллаборационистами и разделили участь Видкунда Квислинга, Андрея Власова и Йозефа Тисо” (с. 92). Не преувеличивая значения коллаборационизма, отметим всю двусмысленность ситуации, в которой оказалась Восточная Европа в начале советско-германской войны. В конце августа 1941 г. Иосиф Сталин писал советскому послу в Англии Ивану Майскому: «Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами Второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом»². В данных условиях изменение степени лояльности коммунистическому режиму второго по численности народа СССР могло привести к некоторому изменению ситуации на фронте. О последствиях таких событий остаётся только фантазировать.

Работа автора с документами преимущественно отвечает стандартам исторического источниковедческого анализа. Хотя, встречаются и исключения. Например, относительное большинство ссылок в разделе об антинемецкой деятельности УПА – на работы, изданные украинской эмиграцией в 1940–70-е гг. Очень часто как источник используется сборник: “УПА в свете документов борьбы за Украинское самостоятельное соборное государство, 1942–1950 гг.”, опубликованный неизвестно где в 1960-м году. Хотя, большинство сохранившихся оперативных отчётов Повстанческой армии 1943–1944 гг. хранятся в открытых фондах украинских архивов (ЦГАВО, ОГА СБУ, ГАРО). Впрочем, требование о наличии в обобщающей монографии глубокой реконструкции именно этой страницы истории борьбы УПА с помощью первичных документов, возможно, слишком строго.

В ряде случаев можно видеть доверие к мемуарной литературе: в частности, в тексте не оговаривается то, что единственным источником информации об убий-

стве националистами жены атамана Тараса Боровца (с. 120) являются мемуары самого Боровца: бандеровцы же на протяжении всего послевоенного времени этот факт отрицали. В другом случае (с. 623) автор некритически пошёл за мемуарным источником, утверждающим, что Степан Бандера и Ярослав Стецко признали созданный с одобрения немцев в начале 1945 г. Украинский национальный комитет (УНК, нечто вроде украинского эмигрантского правительства) под руководством Павла Шандрука. Этот комитет, украинский аналог власовского КОНРа, поддерживали все украинские антисоветские партии, в том числе и наследники УНР (петлюровцы), мельниковцы и гетманцы (монархисты). Никакими другими данными признание Бандерой и бандеровцами УНК не подтверждается. Вероятно, эта «информация», является простым полемическим антибандеровским выпадом мемуариста, на которого ссылается автор рецензируемой работы.

Иногда информация, почерпнутая из протоколов допросов бывших националистов органами госбезопасности (с. 366 и др.), подаётся без упоминания о том, откуда эти сведения взяты – что неискущённого читателя может ввести в заблуждение и затруднить анализ опубликованных данных.

В конце книги (с. 649–650) автор сухо приводит итоговые цифры о результатах вооружённой борьбы ОУН-УПА (30 тыс. убитых) и результатах антиповстанческой борьбы в УССР в 1944–1953 г. (152 тыс. убитых и 337 тыс. репрессированных). При этом, к сожалению, не оговариваются схемы искажения этой официальной советской статистики: занижение данных о количестве погибших от рук националистов (за счёт, в частности, неучёта графы “пропавшие без вести” сотрудники различных советских органов, а также умолчания о раненых) и завышения количества убитых повстанцев и подпольщиков за счёт банальных советских приписок. Отсюда же и утверждение о «16-кратной разнице в потерях» советской стороны и националистов (с. 657).

В ряде случаев видна невнимательность прочтения трудов предшественников. Например, касаясь деятельности бандеровских боёвок в 1942 г., в книге высказано предположение, что, вероятно, она заключалась только в отдельных убийствах поляков. При этом присутствуют сетования на недостаток данных о других вооружённых акциях ОУН в 1942 г. Между тем, например, в использованной автором книге Владимира Косика, есть информация о том, что, согласно данным, которые получили немецкие органы безопасности, отряд советских парашютистов, скинутый в начале ноября 1942 года под местечком Рокитное на Воляни, наткнулся на группу националистов. Во время боя погибло много парашютистов, националисты захватили трофеи, в том числе оружие³. То же самое можно сказать и об утверждении автора о существовании в первой половине 1944 г. отдельной краевой команды «УПА-Юг» (с. 140) – аналогичной «УПА-Запад» (Галиция) и «УПА-Север» (Волянь). В рецензируемой книге существование «УПА-Юг» не доказывается. При этом в современной украинской историографии относительно реальности краевой команды «УПА-Юг» (правобережная Украина) существуют разные точки зрения. Согласно одной из них, в пропагандистских целях так называлась часть куреней и сотен «УПА-Запад» и «УПА-Север»⁴.

Раздел “Антипольская акция УПА, 1943–1945” (так эти действия назывались во внутренних бандеровских документах) занимает в работе 116 страниц – что,

объяснимо и логично, хотя бы исходя из количества жертв акции. Однако, содержание раздела вызывает существенные замечания.

Автором слабо используются немецкие документы (самостоятельного архивного поиска в Германии при написании книги не было проведено), что является существенным недостатком книги. (Например, поэтому, одна из главок названа «Деятельность гестапо против ОУН» – хотя ни в Рейхскомиссариате Украина, ни в военной оккупационной зоне (Восточная Украина) гестапо не действовало, а в указанной главе рецензируемой книги фигурирует в основном СД.) Вероятно, именно из-за недостаточности источниковой базы такой признанный специалист по вопросам украинско-польских отношений заявил: «Вначале ничто не говорило о том, что Вольнь станет местом таких трагических событий. Ещё на переломе 1942/1943 г. ситуацию в этом регионе позитивно оценивало польское подполье» (с. 311).

Много что говорило.

Как писал в обзоре ситуации за сентябрь-октябрь 1 ноября 1942 г. генеральный комиссар Вольни-Подолья Шёне: «Напряжённые отношения между отдельными национальными группами, в особенности белорусами и украинцами с одной стороны, и поляками – с другой, особенно обострились. В этом есть определённая система. Попытки с какой-то враждебной стороны беспокоить народ»⁵. Эти строки в оригинале подчёркнуты – очевидно, либо автором, либо респондентом документа.

Тревога оккупантов нарастала. 25 февраля 1943 г. гебитскомиссар области Брест-Литовска (подпись неразборчива) заявлял в отчёте Шёне за январь-февраль 1943 г.: «...Неблагонадёжные для нас элементы из различных национальных групп используют немецкую администрацию для межнациональной борьбы друг с другом. Местами происходят случаи, когда, например, сельский староста, если он поляк, злоупотребляет своим положением против украинцев, или если он украинец, то делает то же самое против поляков. Я разбираю каждый такой случай в отдельности и привлекаю виновных к ответственности»⁶.

В работе наглядно не показана взаимная украинско-польская жестокость, пропитавшая атмосферу Западной Украины в те годы. Зато по какой-то причине несколько страниц посвящено внутренним, междоусобным, и не приведшие абсолютно ни к чему спорам польских националистов по «украинскому вопросу».

Далее – сюжет об участии поляков в советских истребительных батальонах в 1944–1945 гг., находит место в разделе об украинско-польском конфликте – несмотря на то, что в «истребки» людей насильно мобилизовывали. А вот деятельность польской полиции на немецкой службе – куда народ шёл добровольно – не рассматривается в этой части исследования, да и вообще упоминается лишь эпизодически и вскользь.

В указанном разделе, да и не только в нём, не полностью корректна используемая терминология: вместо обозначения военно-политической силы («националисты», «УПА» и т.д.), слишком часто употребляется этноним «украинцы». На момент описываемых событий в Западной Украине помимо УПА воевали украинские красные (советские) партизаны, а деятельность бандеровцев подвергалась ожесточённой критике со стороны руководства других украинских антикоммунистических партий.

Некорректным представляется утверждение о том, что в 1939–1944 гг. все польские партии считали необходимым возврат Западной Украины в состав Польши (с. 304). Против этого выступала прокоммунистическая Польская рабочая партия (ПРП). Хотя она и не принадлежала в Польше к числу самых влиятельных, и, как почти все коммунисты того времени, выполняла указания ВКП(б), но она репрезентовала мнение какой-то части польской общественности. В 1944 г. ПРП на базе Гвардии Людовой (ГЛ) организовала партизанские отряды Армии Людовой (АЛ), по численности сравнимые с той же УПА или с советским партизанским движением Украины. То есть вообще исключать коммунистов из польского политического спектра того времени ошибочно.

Возражение вызывает также утверждение о том, что после войны «Со временем, однако, симпатии [населения] к подполью угасали...» (с. 186). Искренние симпатии и антипатии населения с одной стороны, и вера в победу УПА или советской власти с другой – два совершенно разных измерения общественных настроений в Западной Украине.

Ряд недостатков книги вызван, очевидно, тем, что работа рассчитана исключительно на польского читателя. В частности, отдельная глава посвящена взаимоотношениям УПА с венгерской армией (сс. 271–281). А вот отношения в годы войны бандеровцев с румынами – весьма важная, интересная и специфическая страница в истории ОУН и Повстанческой армии – в книге почти не рассматриваются. В послевоенной «зарубежной» истории украинского праворадикального Сопротивления – раздел 9, «Деятельность ОУН и УПА за границами УССР», – автор выделил 3 составляющих: борьба в ПНР, БССР и ЧСР. Хотя, конечно, борьба националистов в Румынии в указанный период – более важная составляющая истории УПА, чем её деятельность в Чехословакии. Отдельными главками проходят сюжеты «УПА и чехи на Волыни» и «УПА и евреи», но нет обобщающей главы об отношениях украинских националистов к русским. Понятно, что в западных областях Украины, где воевала УПА, русских до 1939 г. практически не было. Однако, поскольку руководство ОУН-УПА настойчиво пыталось репрезентовать собственное движение как всеукраинское, было бы логично описать, как относились бандеровцы к представителям наиболее многочисленного национального меньшинства УССР. (Вскользь утверждается, что «русские и поляки трактовались повстанцами как оккупанты» (с. 656)).

В конце книги – заключение (с. 651–661), где автор приводит выводы и высказывает оценки. Причём материал в монографии подан так, что читатель, знакомый с канвой событий, вполне может как согласиться, так и не согласиться с мнением польского историка. В частности, исследователь считает послевоенную вооружённую деятельность ОУН-УПА слишком масштабной, приведшей к неоправданным жертвам среди украинского народа. Мотыка апеллирует к позиции мельниковцев, предлагавших – исходя из международной ситуации – вооружённую борьбу свернуть. Кроме этого, приводится в пример возникшая на базе польской Армии Крайовой (АК) организация Вольносьць и Неподлеглосьць (Свобода и Независимость), чьё руководство заявило о том, что с 1945 г. военную борьбу с коммунистами нельзя вести в массовом масштабе и стремилось «вывести людей из леса» (с. 657). (В связи с этим вспомним, что АК в 1944 г. устроила очень кро-

вопролитную операцию «Буря», не достигшую поставленных в ходе её планирования политических целей, приведшую к результату, обратному ожидаемому, а мельниковцы в 1941–1945 гг. твёрдо и последовательно придерживались курса на коллаборационизм с нацистами, за что Мельник именовался бандеровской пропагандой «берлинским лизоблюдом».) По мнению автора, сама УПА – благодаря антипольской акции – выбивается из ряда схожих восточноевропейских движений (в частности, АК, Армия освобождения Литвы) и становится в ряд с аналогичными современными партизанскими движениями на Балканах и – несколько экзотическое сравнение – с повстанцами в Руанде (с. 659).

Ну, а в самом конце книги (с. 660) исследователь выражает надежду на то, что своей работой объяснил польской общественности, почему украинцы (точнее было бы сказать «часть украинцев») выступают за признание УПА и наделение льготами и пенсиями бывших повстанцев. В этом автор видел главную социально-политическую цель собственной работы, её актуальность.

Несмотря на определённые недостатки, следует признать, что рецензируемая работа написана на высоком научном уровне. Было бы очень жаль, если бы книга так и осталась не переведённой с польского на другие языки – в частности, английский и украинский. Важно также перевести её на русский язык и издать в каком-либо академическом российском издательстве – например, в РОССПЭНе – для того, чтобы сделать доступной научному сообществу постсоветского пространства, а также читающим по-русски западным и центральноевропейским советологам. Но было бы ещё лучше издать монографию в одном из коммерческих российских издательств – “АСТ”, “Эксмо” или “Олма-Пресс”. В этом случае она станет известной не только узкому кругу учёных, но также и “медиаторам”, “посредникам” между историками и общественностью: журналистам и преподавателям ВУЗов. И книга ценна вовсе не потому, что в ней представлен “польский”, “проукраинский” или ещё какой-либо специфический взгляд на историю УПА. Причина в другом: взгляд историка самостоятельный (автор по ходу книги постоянно полемизирует то с польскими, то с украинскими исследователями), гигантский фактический материал исследователем логично упорядочен, рассматриваемые в работе вопросы остры, а ответы на них вняты. По прочтении книги в сознании читателя вырисовывается многомерная и конфликтная картина вооружённой борьбы украинских националистов в 1940–1950-х гг.

¹ *Grzegorz Motyka* *Ukraińska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii.* – Warszawa: Rytm, 2006. – 720 stron. Тираж 1500 экз.

² Цит. по: *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. – М., 2001. – С. 172.

³ *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні / Пер. із фр. Романа Осадчука. – Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993. – С. 289.

⁴ *Кентий А.В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. – Київ, 1999. – С. 33.

⁵ Предположительно, документ адресован главе Рейхскомиссариата Украина Эриху Коху (Bundesarchiv Berlin (BAB), R 6/687 (листы в деле не пронумерованы)).

⁶ BAB, R 94/8 (листы в деле не пронумерованы).